

«О ПОПЫТКАХ СТАТЬ ИСТОРИКОМ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ»: ПРОМЕЖУТОЧНЫЙ ИТОГ С МИГРАЦИОННЫМИ ОСЛОЖНЕНИЯМИ. ЧАСТЬ 1*

Штефан Трёбст

доктор наук, профессор, заведующий кафедрой истории культуры Восточной Европы, Лейпцигский университет; заместитель директора, Институт истории и культуры Восточной Европы имени Лейбница (1999–2021)
Почтовый адрес: ул. Цинсвайлервег 22, Берлин, 14163 Германия
Электронный адрес: stefan.troebst@snaflu.de

Аннотация

Автобиографическое (и потому в известной степени субъективистское) эссе отвечает на вопрос, что мотивировало молодого человека не из Восточной Европы, родившегося в 1955 г. в Западной Германии, стать историком – специалистом по Восточной Европе. Ответом, с одной стороны, служат интерес к языкам (славянским) и политике (холодная война), в меньшей степени семейное происхождение, с другой – ряд случайных совпадений и, что немаловажно, возможности стажировок и стипендий. В первой части речь идет о биографии автора от гимназических лет в Баден-Вюртемберге до университетов и научно-исследовательских институтов в Тюбингене, Западном Берлине, Софии, Скопье и Блумингтоне (Индиана) с 1969 по 1981 г., включая сведения о первых скромных научных достижениях. Вторая часть будет посвящена профессиональной деятельности вплоть до выхода на пенсию в 2021 г.

Ключевые слова

Восточная Европа, Восточно-Центральная Европа, Юго-Восточная Европа, Хью Сетон-Уотсон, Матиас Бернат, Чарльз и Барбара Елавич, Дёрдь Ранки, Свободный университет в Берлине, Институт национальной истории в Скопье, Индианский университет, Софийский университет имени Климента Охридского

Статья поступила в редакцию 15 апреля 2021 г.

Цитирование: *Трёбст Ш.* «О попытках стать историком Восточной Европы»: промежуточный итог с миграционными осложнениями. Часть 1 // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2021. Т. 16. № 1–2. С. 243–265. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.1-2.11>

* Статья написана для сборника в честь юбилея Биргит Харрес под редакцией Н. Менцеля и К.-Д. Штрауха. На момент выхода журнала из печати библиографические данные публикации неизвестны.

“ON TRYING TO BE A HISTORIAN OF EASTERN EUROPE”: A MIGRATORY INTERIM BALANCE. PART 1

Stefan Troebst

Doctor, Professor, Chair of East European Cultural History, Leipzig University; Deputy Director, Leipzig Institute for the History and Culture of Eastern Europe (GWZO) (1999–2021)
Postal Address: Zinsweilerweg 22,
Berlin, 14163 Germany
E-mail: stefan.troebst@snaifu.de

Abstract

This autobiographic (and thus highly subjective) text asks what motivated a non-East European, born in 1955 in West Germany, to become a historian of Eastern Europe. The answers are, on the one hand, an interest in (Slavic) languages and (Cold War) politics, and, to a lesser extent, family background, and on the other, coincidence and, not the least, fellowship opportunities. Part 1 of the article traces the author’s biography from his high-school years in Baden-Württemberg to universities and research institutions in Tübingen, West Berlin, Sofija, Skopje, and Bloomington, Indiana, from 1969 to 1981 – including his first modest academic achievements. Part 2 covers his professional path till retirement in 2021.

Keywords

Eastern Europe, East-Central Europe, South-Eastern Europe, Hugh Seton-Watson, Matthias Bernath, Charles and Barbara Jelavich, György Ránki, Free University of Berlin, Institute of National History in Skopje, University of Indiana, Sofia University “St. Kliment Ohridski”

Received 15 April 2021

How to cite: Troebst, S., 2021. “O popytkakh stat’ istorikom Vostochnoi Evropy”: promezhutochnyi itog s migratsionnymi oslozhneniiami. Chast’ 1 [“On Trying To Be a Historian of Eastern Europe”: A Migratory Interim Balance. Part 1]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 16, no. 1–2, pp. 243–265. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.1-2.11>

ВВЕДЕНИЕ. ДВЕ ПОПЫТКИ СТАТЬ ИСТОРИКОМ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

«**О** попытках стать историком Восточной Европы» – так называлось эссе британского историка, специалиста по Восточной Европе Хью Сетон-Уотсона (1916–1984), включенное в сборник, вышедший под редакцией его учеников в 1988 г. в память о нем. Там автор подводил итог своей долгой профессиональной деятельности в Школе славистических и восточноевропейских исследований (англ. *School*

of *Slavonic and East European Studies*) Лондонского университета. Эссе начиналось словами: «Более тридцати лет я пытался понять и все-таки по-прежнему не уверен, что значит “историк” или “Восточная Европа”»¹. Среди причин своих сомнений он назвал, с одной стороны, то влияние, которое драматические события в Европе XX в. оказали на его мышление как историка, а с другой стороны – тот факт, что парадигма «славянства» всё больше утрачивала смысл, лишая своего значения и прилагательное *Slavonic* в названии его института².

Сам я старался стать и быть историком Восточной Европы, двигаясь по следам великого Сетон-Уотсона, однако его сомнения в парадигме «славянства», хоть я и сам славист, мне вполне понятны³. Меньше трудностей у меня возникает в связи с его сомнениями в самой профессии историка. То, что эта профессиональная группа отвечает за прошлое, его анализ и – в определенном смысле – за его толкование, сомнений у меня не вызывает. Столь же бесспорным кажется мне, что профессиональные задачи цеха историков в последние десятилетия ощутимо расширились, вобрав в себя анализ современных культур памяти и исторической политики, реализуемой правительственными и парламентскими инстанциями, а также неправительственными организациями (общественными, культурными, профсоюзными, профессиональными, церковными и предпринимательскими), а также не в последнюю очередь СМИ, включая блогеров. Прежде всего благодаря этому историческая наука (как минимум отчасти) отвоевала свое приоритетное право на толкование прошлого в условиях попыток перечисленных конкурирующих акторов инструментализировать историю⁴. Родившийся в 1916 г. Сетон-Уотсон скончался слишком рано – в 1984 г. – и потому не мог распознать эту тенденцию.

¹ *Seton-Watson H.* On Trying to be a Historian of Eastern Europe // *Historians as Nation-Builders. Central and South-East Europe* / ed. by D. Deletant, H. Hanak. London: Palgrave Macmillan, 1988. P. 1. Ср. также: *Idem.* Reflections of a Learner // *Government and Opposition. An International Journal of Comparative Politics.* 1980. Vol. 15. Issue 3–4. P. 512–527.

² *Seton-Watson H.* On Trying to be a Historian of Eastern Europe. P. 2–3, 5–6.

³ *Troebst S.* Slavizität. Identitätsmuster, Analyserahmen, Mythos // *Gemeinsam einsam. Die Slawische Idee nach dem Panslawismus* / hrsg. von A. Gąsior, S. Troebst. Berlin: Berliner-Wissenschafts-Verlag, 2009. S. 7–19 (Themenheft von Osteuropa; Bd. 59. H. 12). См. также: *Idem.* Post-Pan-Slavism? Political Connotations of Slaviness in 21st Century Europe // *Approaches to Slavic Unity. Austro-Slavism, Pan-Slavism, Neo-Slavism, and Solidarity Among the Slavs Today* / ed. by K. Makowski, F. Hadler. Poznań: Instytut Historii UAM, 2013. P. 169–175.

⁴ *Diner D.* Von Gesellschaft zu Gedächtnis. Überlegungen zu einem Paradigmenwechsel // *Veränderte Weltbilder* / hrsg. von D. Claussen, O. Negt, M. Werz. Frankfurt am Main: Neue Kritik, 2005. S. 152–166. (Hannoversche Schriften; 6).

EASTERN EUROPE VS ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

Не удивляют также трудности, отмеченные Сетон-Уотсоном в связи с обозначением региона – Восточная Европа, или, в британской академической и политической среде, *Eastern Europe*. Англоязычный термин лишь кажется эквивалентом немецкоязычного понятия *Osteuropa* (нем. ‘Восточная Европа’), поскольку он во времена Сетон-Уотсона, как правило, не включал в себя московские, российские и советские государственные образования, соответствуя скорее немецкому *Ostmitteleuropa* (нем. ‘Восточно-Центральная Европа’) или австрийскому (постгабсбургскому) *Zentraleuropa* (нем. ‘Центральная Европа’), иногда охватывая еще и «Юго-Восточную Европу», то есть Балканы. Когда Сетон-Уотсон был одним из ведущих профессоров и публицистов, Советский Союз, по организационной структуре британского Форин Офис, относился к ведению Северного департамента, в то время как государства от Польши до Албании распределялись между департаментами «Центральной Европы» и «Южной Европы». Что же касается Восточного департамента, то в его компетенции во внутренней структуре министерства находились государства, которые относят к Ближнему и Среднему Востоку. Однако термин *Eastern Europe* (англ. ‘Восточная Европа’) в трактовке Сетон-Уотсона включал в себя Российскую империю и СССР; иного нельзя было ожидать от ученого, с 1951 г. заведовавшего в *SSEES* кафедрой истории России⁵. Таким образом, он в восприятии публики «переместил» Россию из Северной Европы в Восточную⁶.

Но (и это «но» весьма весомо) ученики и последователи Х. Сетона-Уотсона назвали том, посвященный учителю, «Историки как строители наций» (англ. *Historians as Nation-Builders*). Иными словами, речь здесь не шла о транснациональном и надрегиональном историческом контексте (то, что можно было бы связать с понятием *Eastern Europe*) либо о культурной или лингвистической общности (под термином «славянство»), а об однозначно национальных концепциях (завязанных на национальные государства), на становление которых – что можно вывести из названия книги – профессиональная деятельность историков оказала определяющее влияние. «Изобретение» Восточной Европы как

⁵ Подробнее см.: *Obolensky D. George Hugh Nicholas Seton-Watson 1916–1984 // Proceedings of the British Academy. 1987. Vol. 73. P. 631–642.*

⁶ Ср.: *Lemberg H. Zur Entstehung des Osteuropabegriffs im 19. Jahrhundert. Vom “Norden” zum “Osten” Europas // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1985. Jg. 33. S. 48–91.*

«исторического мезорегиона»⁷ – инновация, дающая основу для научных выводов и пригодная к глобальному распространению, которая (что интересно) в последнее время находит позитивный отклик прежде всего у социологов, а не у историков (как это можно было бы предположить),⁸ – роли не играло. Термин «Восточная Европа», или, как обозначено в названии сборника, посвященного памяти Сетон-Уотсона, «Центральная и Юго-Восточная Европа», здесь был использован лишь как собирательное понятие для «лоскутного одеяла», состоящего из малых и средних национальных государств, возникших на обломках империй и, как правило, враждующих между собой.

НЕ С РАННЕГО ДЕТСТВА – НО ПОСЛЕ...

Зачем же я вбил себе в голову, что я, как Сетон-Уотсон (о существовании которого я тогда не знал⁹), хочу стать специалистом по истории Восточной Европы, причем сразу, в первый же семестр обучения в Университете имени Эберхарда и Карла в Тюбингене? Тут нужно назвать некоторые автобиографические факторы, которые меня подталкивали. Факторы семейного или (тем более) личного характера отсутствовали просто по возрасту: не было статуса так называемого позднего переселенца из дунайских швабов, из Трансильвании, России или Казахстана, вторичного статуса перемещенного лица, и уж точно не было опыта советского плена или заключения в ГУЛАГе – как у многих германских специалистов по истории Восточной Европы старших

⁷ *Трёбст Ш.* Особый путь к концепции исторического мезорегиона: учебный предмет «История Восточной Европы» в немецкоязычном пространстве 1892–2016 гг. // История, язык, культура Центральной и Юго-Восточной Европы в национальном и региональном контексте: к 60-летию Константина Владимировича Никифорова / редкол.: С. И. Данченко, К. А. Кочегаров, Б. С. Новосельцев, Е. С. Узенева, О. В. Хаванова (отв. ред.). М.: Институт славяноведения РАН, 2016. С. 512–530.

⁸ *Delanty G.* The Historical Regions of Europe: Civilizational Backgrounds and Multiple Routes to Modernity // *Historická sociologie = Historical Sociology*. 2012. Vol. 3. Issue 1–2. P. 9–24; *Giordano Ch.* Interdependente Vielfalt: Die historischen Regionen Europas // *Europa und die Grenzen im Kopf* / hrsg. von K. Kaser, D. Gramshammer, R. Pichler. Klagenfurt: Wieser, 2003. P. 113–135. (*Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens*; 11); *Troebst S.* Sonderweg zur Geschichtsregion. Die Teildisziplin Osteuropäische Geschichte // *Osteuropa*. 2013. Jg. 63. H. 2–3. S. 55–80.

⁹ Лишь в 1983 г., в год его выхода на пенсию, мне представилась возможность увидеть Хью Сетона-Уотсона, хотя и издали. Он выступал с докладом в Институте Восточной Европы Свободного университета Западного Берлина. Если память мне не изменяет, он тогда представил квинтэссенцию своего эпохального основополагающего труда об образовании наций, национализме и национальных государствах не только в Восточной Европе, но и во всем мире. См.: *Seton-Watson H.* Nations and States: An Enquiry Into the Origins of Nations and the Politics of Nationalism. London: Methuen, 1977.

поколений¹⁰. Прибалтийская немка, двоюродная бабушка Мари фон Людер (которую все называли Мей), дочь помещика и торговца древесиной из окрестностей Ревеля (название города она произносила «РеФаль»), нынешнего Таллина, столицы Эстонии, также, помимо фонологии, не оказала значительного влияния на решение. Тем не менее у моих родителей и у бабушки с дедушкой с отцовской стороны хранилось много вещей моего прапрадеда Готтлоба Трёбста из тюрингского города Апольда, который изучал русский язык в Йенском университете, а также участвовал в первых переводах прозы Пушкина на немецкий (совместно с протоиереем русской православной церкви в Веймаре Степаном К. Сабининым)¹¹. В 1840 г. он, как и многие другие безработные выпускники университетов его поколения, отправился в Россию, чтобы стать там домашним учителем¹². С первым работодателем в Москве, генерал-майором в отставке Отто-Фридрихом бароном фон Шёппингом, отношения у него не сложились, и он перешел в семью графа Александра Николаевича Соймонова (1780–1856), где давал уроки его дочери Екатерине Александровне. Однако учителя и ученицу связывали не только уроки, и, как только сей факт открылся, ему пришлось немедленно покинуть дом Соймоновых и уехать из России домой в Тюрингию. Случилось это в 1846 г. С профессиональной точки зрения он не проиграл, став директором реальной гимназии в Веймаре. До конца жизни он активно переписывался со своей бывшей ученицей на смеси французского, русского и немецкого. Она даже как-то приезжала к нему в гости в Веймар. Правда, у его жены, моей прапрабабушки Элизабет, это большого восторга не вызвало. Больше она обрадовалась приезду в Веймар Льва Толстого. Тот побывал у них в Веймаре в 1861 г. по пути в Баден-Баден. С ним Готтлоб Трёбст познакомился еще в России, когда писателю было всего тринадцать лет, во время его приезда в Теплое, имение Соймонова¹³. От Готтлоба Трёбста мне в наследство достались коллекция табакерок

¹⁰ См., например: *Geyer D.* Reußenkrone, Hakenkreuz und Roter Stern. Ein autobiographischer Bericht. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1999; *Markov W.* Wie viele Leben lebt der Mensch. Eine Autobiographie aus dem Nachlaß. Leipzig: Faber & Faber, 2009.

¹¹ *Cappeller F.* Erste deutsche Übersetzung von Puschkins Novellen. Eine deutsch-russische Gemeinschaftsarbeit aus Jena – Weimar 1840 // *Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller-Universität Jena. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe* 8. 1958/1959. H. 1. S. 161–176.

¹² *Troebst C. C.* Gottlob Tröbst. Gelehrter zwischen Weimar und Moskau. Weimar: WV – Weimarer Verlagsgesellschaft, 2011.

¹³ *Tolstoi L.* Tagebücher. Berlin (Ost): Rütten & Loening, 1978. Bd. 1. 1847–1884. S. 279. Ср.: *Seifert R.* Leo Tolstois Besuche in Weimar und Jena 1861 // Weimar – Jena. Die große Stadt. Das kulturhistorische Archiv. 2012. Jg. 5. H. 3. S. 170–181.

из тульского серебра, самовар цвета золота из того же города, переписка с *Catherine de Soumonoff*, длившаяся десятилетия, а также большой портрет его с женой. Таким образом, можно говорить о моей связи с восточной половиной Европы в детском и подростковом возрасте, но вряд ли этот факт оказал существенное влияние на выбор профессии.

Иной была ситуация после девятого класса гимназии, находившейся в Гёппигене в северной части Вюртемберга. Гимназия была лингвистической, с уклоном в изучение иностранных языков, и тогда передо мной встал выбор, какой язык учить после латыни и английского – французский или русский. Напомню, это был 1970 год, когда премьер-министром федеральной земли Баден-Вюртемберг был Ханс Фильбингер (1913–2007), принадлежавший к правому крылу партии ХДС, а пост министра культуры занимал ультраконсерватор и его товарищ по партии Вильгельм Хан (1909–1996). Именно Хан, а не Фильбингер олицетворял собой тогда врага для протестующих студентов в Гейдельберге, Фрайбурге и Тюбингене в 1968 г. Соответственно звучали и их лозунги, в которых обыгрывалась фамилия политика (*Hahn* – нем. «петух»): *Hi, ha, ho – sperrt den Hahn ins Klo!* («Тили-тили-тили, Хану место в сортире!»), *Gebt dem Hahn ein Huhn, dann hat er was zu tun!* («Дайте Хану курицу, чтоб было, чем заняться») и *Brecht dem Hahn die Gräten, alle Macht den Räten!* («Переломаем Хану кости, вся власть советам!»).

Несмотря на то что Фильбингер, которого драматург Рольф Хоххут (1931–2020) разоблачил как безжалостного судью нацистского военно-морского флота, даже весной 1945 г. выносившего смертные приговоры, яростно боролся с «Новой восточной политикой» Вилли Брандта (1913–1992) и Эгона Бара (1922–2015) в отношении Советского Союза, его соратнику Хану тем не менее явно разумным казался школьный эксперимент, реализованный в пяти гимназиях федеральной земли и состоявший в создании параллельных классов с преподаванием русского языка. Не имея никаких документальных подтверждений, я предполагаю, что это было связано с его биографией. Дело в том, что В. Хан родился в 1909 г. в Дерпте, входившем тогда в состав Российской империи (ныне Тарту, Эстония), и лишь в десятилетнем возрасте попал на историческую родину в Германию (как тогда говорили, *heim ins Reich*). Видимо, он, ребенок из семьи прибалтийских немцев, учился в русскоязычной начальной школе, сам владел русским и, вероятно, считал, что знание этого языка может оказаться полезным, не в последнюю очередь для развития уже существовавших тогда активных экономических связей металлообрабатывающей промышленности Северного Вюртемберга,

прежде всего станкостроительных предприятий, с советскими металлургическими комбинатами. Но это, как уже было отмечено, лишь предположение.

Оглядываясь на минувшие 50 лет, я могу с уверенностью констатировать, что министр Хан оказал решающее влияние на мою профессиональную карьеру, поскольку я выбрал для изучения русский язык вместо французского. Наш преподаватель русского в гимназии знал язык в совершенстве. Он был строг, держал дистанцию в общении с учениками и, вероятно, был военнотружущим вермахта, побывавшим в плену в СССР. За два учебных года при пяти уроках русского в неделю он сумел успешно вдолбить в нас тогдашний стандартный учебник русского языка издательства *Hueber* вместе с грамматическим пособием. (Надо отметить, что в университетах ФРГ на прохождение этого учебника отводилось то же время – четыре семестра.) Благодаря этому я позже сэкономил два семестра в университете. К сожалению, после его ухода на пенсию у нас появилась учительница русского, выросшая в ГДР, не владевшая живым языком и заставлявшая нас исключительно писать диктанты и вдобавок мучившая нас в лингафонном классе магнитофонными записями для постановки интонации. Поскольку почти все родители учеников нашей параллели – так же, видимо, как и руководство школы – опасались, что при таких условиях выпускной экзамен по русскому никто из нас не сдаст, летом 1973 г. большинство из нас через бюро путешествий Христианской ассоциации молодых мужчин (*СВММ*)¹⁴ в Касселе отправили на курс русского языка в Государственный педагогический институт имени А. С. Серафимовича в Волгоград (бывший Сталинград) – разумеется, за свой счет.

Тамошнее преподавание языка было настолько дремуче-советским, что я, как и многие мои одноклассники, начиная со второго дня прогуливал уроки. Но сертификат нам всё равно выдали. Однако мы сразу же подружились со студентами института: калмыками, русскими, украинцами и представителями других национальностей. Мы встречались ежедневно, ходили купаться на пологий восточный пляж Волги (предположительно несшей в своих водах тяжелые металлы и другие малоприятные ингредиенты), осматривали мемориальный комплекс «Мамаев курган» (при этом выяснилось, что для наших местных друзей «фашисты» были сродни марсианам и никак не были связаны с западными немцами), вместе готовили, ели, слушали музыку и – что

¹⁴ Христианская ассоциация молодых мужчин (с 1985 г. – Юношеская христианская ассоциация) – международная молодежная волонтерская организация.

неизбежно – выпивали по вечерам на квартирах, поскольку большинство родителей были в отпуске.

Институт тоже организовывал экскурсии – на Дон, лишь внешне казавшийся тихим, поскольку из-за малой глубины при плавании почти невозможно было бороться с течением; путь лежал прямо через поле битвы 1942–1943 года, чего мы тогда не знали. Кроме того, на десять дней нас отправили в студенческий стройотряд в палаточный лагерь на волжский остров в направлении Астрахани; комаров там было страшное количество. Вместе с комсомольцами мы по утрам копали ямы, которые после обеда надлежало снова закапывать. Несмотря на отвратительное питание, антисанитарию и, прежде всего, комаров и других насекомых, нам там очень понравилось: мы приобрели много друзей. При возвращении в Вюртемберг мы сносно владели русским, включая большой запас анекдотов и ругательств, но общаться с нашей учительницей на этом языке мы не могли. Выпускной экзамен по русскому мы всё же сдали, хоть и не на высшие оценки, потому что мы понятия не имели, когда использовать совершенный, а когда несовершенный вид глагола, а также когда и тем более где ставить мягкий знак...

Из ТЮБИНГЕНА В (ЗАПАДНЫЙ) БЕРЛИН

В 1974 г. в ходе с трудом сданных выпускных экзаменов ребром встал вопрос: «Куда теперь?» Логичным ответом было: «Понятия не имею!» Поэтому сначала я устроился подсобным рабочим на лесопилку в нашей деревне, чтобы собрать денег на поездку автостопом по Франции, Италии, Мальте, Греции, Болгарии, Румынии и Венгрии. Тогда это, кстати, было весьма недорогим удовольствием: в режиме «всё включено» в день (помимо морских переездов) я в среднем тратил по две немецких марки, что на нынешние деньги составило бы, наверное, около четырех евро. Райские были времена...

Большинство моих одноклассников, изучавших русский, подали документы в университет Тюбингена на филологический факультет (специализация – преподаватель русского), и я без большого желания поступил так же. Но пузырь неуверенности в том, какую профессию выбрать, лопнул в первый же день зимнего семестра 1974/1975 гг.: нас, первокурсников, согнали в аудиторию факультета новых языков (иначе говоря – в «Корпус Бертольда Брехта»), где руководитель семинара славянских языков Ильзе Кунерт (1923–2016), лингвист, родившаяся в Гданьске, кратко и доступно объяснила нам, что потребность федеральной земли Баден-Вюртемберг в учителях русского языка покрыта на годы вперед,

так что в обозримом будущем рабочих мест для преподавателей русского не предвидится.

Меня как громом поразило! Ведь это значило, что мне совсем *не обязательно* было становиться учителем русского, я теперь мог делать то, что *хотел*. Это был шаг в сторону академической свободы. Я сразу же перешел на магистерский курс «История» со второй основной специализацией «Славистика». Первую свою лекцию я прослушал у чрезвычайно компетентного, но столь же надменного и недоступного специалиста по истории России Дитриха Гейера (род. в 1928 г.). Совершенно иначе проходили занятия по славянскому литературоведению. Там гораздо более доступный и общительный Людольф Мюллер (1917–2009) из Западной Пруссии на примере антологии русской лирики, изданной *Penguin Press* (оригинальный текст с литературным переводом на английский), терпеливо учил нас искусству интерпретации поэзии¹⁵. Ильзе Кунерт тоже прилагала все усилия, стараясь познакомить нас с церковнославянским языком на основе грамматики Августа Лескина (1840–1916). Позже я снова столкнулся с его работами по (безуспешному) поиску праславянского языка и трудами, которые легли в основу Лейпцигской школы младограмматиков.

Уже во втором своем семестре в Тюбингене я решил покинуть идиллическую Швабию и подал заявку на перевод в Свободный университет Западного Берлина, где действовал большой Институт Восточной Европы с 11 отделами и 25 профессорами. (Сегодня профессоров там всего пять.) Причиной был проснувшийся у меня интерес к истории Балкан, которой в Свободном университете Берлина занимался тогда Матиас Бернат (1920–2013), эдакий постгабсбургский вельможа из лотарингской семьи, переселившейся в многонациональный румынский Банат. В университетах ФРГ он был единственным профессором, специализировавшимся на истории Юго-Восточной Европы. Наряду со своими четырьмя «родными языками» (немецким, румынским, венгерским и сербским) он прекрасно владел французским, итальянским и (что удивительно) русским¹⁶. После первого разговора с ним в Институте Восточной Европы на улице Гариштрассе в квартале Далем мне стало ясно: у него ты можешь начать учиться тому, чему ты всегда хотел учиться! Так я и сделал, хотя вначале это продлилось лишь два семестра, поскольку

¹⁵ The Penguin Book of Russian Verse with Plain Prose Translations of Each Poem / introduced and edited by D. Obolensky. Harmondsworth, Middlesex: Penguin Books, 1974.

¹⁶ Troebst S. Südosteuropäische Geschichte als gesonderte Disziplin: Mathias Bernath in Berlin und München // Südosteuropäische Hefte. 2012. Jg. 1. H. 2. S. 19–23.

одновременно усилился «Дранг нах Остен». Результатом стали три года переездов (Болгария, Югославия, США) с перерывом на четыре семестра в Западном Берлине, находившемся на переднем крае холодной войны, с возможностью посещения Восточного Берлина, тогдашней столицы ГДР.

Кроме того, в Далеме я учился у чрезвычайно эксцентричного, но весьма компетентного – и довольно добродушного – Норберта Райтера, лингвиста, специалиста по балканским языкам. От него я узнал много о языковых наслоениях на Балканах. Например, о том, что название далматинского города Цавтат восходит к латинскому *civitas* (город). В результате, когда я гораздо позже наткнулся на немецкое название Риеки – Санкт-Файт-ам-Флаум, я понял, что это наименование восходит к латинскому *flumen*, означающему просто «река». Отсюда возникло итальянское (и венгерское) название города Фиуме, и, конечно, хорватское Риека (река). Таким образом, изучение основ лингвистики славянских языков на младших курсах может принести довольно неожиданную пользу...

ИЗ ЗАПАДНОГО БЕРЛИНА ЧЕРЕЗ БАД-ГОДЕСБЕРГ В СОФИЮ И СКОПЬЕ

Мое желание провести годичную заграничную стажировку в Советском Союзе, переживавшем тогда «золотые годы застоя», разбилось о требования Германской службы академических обменов (нем. *Deutscher Akademischer Austauschdienst*), предполагавшие предоставление стипендий для такой стажировки только после получения диплома. Однако такие, как я, еще не получившие диплом, могли подать заявку на стипендию для обучения в странах Восточно-Центральной и Юго-Восточной Европы, входивших в единый блок с «Союзом республик свободных» (который тогда казался нерушимым). Эти страны-сателлиты я разделил для себя так: Польша и ЧССР – это Центральная Европа, то есть они недостаточно экзотичны; в Венгрии и Румынии не говорят на славянских языках, то есть они отпадают; в Югославии я был в отпуске – уже неинтересно; в Албании язык тоже неславянский, да и стипендии ДААД туда нет, поскольку нет соглашения о культурных связях; соответственно, остается только одна страна – Болгария. В ней я, как уже говорилось, побывал после окончания школы: в Софии, Пловдиве и Видине, а также (по не вполне уже понятным причинам) в Толбухине (теперь снова Добрич), Карнобате и Кнеже. Там для общения мне всегда хватало русского. Так что моей целью теперь стала Болгария, точнее Софийский университет имени св. Климента Охридского.

Собеседование в ДААД в Бад-Годесберге проводилось комиссией, состоявшей из 20 человек. Председателем был Альфред Раммельмайер (1909–1995), славист из Франкфуртского университета имени Гете, родившийся в дореволюционной России. Я знал, что кандидатов, входящих в зал, приветствовали на языке страны, в которую они собирались, и ждали от них ответа на том же языке. Чего я не знал – так это того, что стандартную анкету кандидата на стипендию ДААД профессор Раммельмайер подробно размечал карандашами разных цветов. В моем формуляре я увидел, что один из разделов густо раскрашен красным. Это был пункт «Профессиональная цель». Решительно и беспощадно он задал мне вопрос по нему. В своей юношеской наивности я написал там «преподаватель вуза»; еще хуже было то, что в своем ответе на его вопрос я заявил: на основании своего богатого университетского опыта – как-никак, целых три семестра – я пришел к выводу, что преподаватель вуза – достаточно привлекательная и вполне прилично оплачиваемая профессия. Я не заметил язвительных ухмылок остальных девятнадцати человек, присутствовавших в зале, и не понял, чем они были вызваны, только ли моей наглостью или отчасти также особым профессорским остроумием председателя комиссии.

До принятия решения о стипендии нужно было подождать некоторое время. Но тогда я само приглашение на собеседование воспринял как успех. Дело в том, что для собеседования кандидату предоставлялся авиабилет из западноберлинского аэропорта Тегель в Кёльн-Ван и обратно (это был первый перелет в моей жизни), а также, что было еще большей удачей, суточные от ДААД в размере 50 немецких марок. Внутреннюю часть суммы я совместно с моим товарищем по Свободному университету инвестировал в говяжье филе на гриле в аргентинском ресторане в центре Бонна – это тоже было первым подобным опытом, который, как теперь видно, навсегда остался в памяти.

Кстати, тогдашний референт ДААД по Юго-Восточной Европе, японист Дирк Штукеншмидт (род. в 1939 г.), который в октябре 1976 г., почти сразу после моего прибытия в Болгарию, приехал в Софию, чтобы, как он выразился, следить за порядком, сказал мне, что я мог выглядеть на собеседовании сколь угодно глупо, но всё равно в любом случае получил бы стипендию. Причиной было то, что на основании соглашения о культурных связях, заключенного между Болгарией и ФРГ в 1973 г., несколько сотен болгар стремились приехать в Западную Германию по обмену, но не могли, поскольку соглашение должно было осуществляться на двусторонней основе. А я был первым западным немцем,

желавшим поехать в эту балканскую страну, остававшуюся в глазах запада мрачной сталинистской диктатурой.

Моя годичная стажировка сначала на факультете для иностранных студентов, а затем на историко-философском факультете Университета имени св. Климента Охридского имела важные для моей дальнейшей биографии последствия. Попав в 21 год в чужую страну, где говорят на языке, которого ты (пока) толком не знаешь, взрослеешь в рекордно короткие сроки; здесь я нашел тему для своей магистерской работы¹⁷, которая позже в значительно расширенном виде превратилась в диссертацию, я понял, что для меня, не имевшего права на выплаты согласно Закону о содействии образованию ФРГ, ДААД стала решением финансовых проблем на время учебы в вузе, и там я нашел друзей на всю жизнь – из Болгарии, Румынии и, прежде всего, из тогдашней ГДР. Отнюдь не случайно имена некоторых из них – в качестве осведомителей – всплывают в моем 700-страничном деле в Комитете госбезопасности МВД Народной Республики Болгария, которое я получил в 2016 г. Тематически досье было озаглавлено весьма точно: «Македонец».

На историко-философском факультете, в Институте истории академии наук Болгарии и даже в Институте истории Болгарской компартии (при ее же Центральном комитете) мне помогли многие именитые историки, невзирая на то, что я был представителем «несоциалистического зарубежья». Двое самых известных из них – Николай Тодоров (1921–2003) и Илчо Димитров (1931–2002), а также Цветана Тодорова, Милчо Лалков (1944–2000), Васил Ат. Василев и Костадин Палешутски (род. в 1939 г.). Учитывая интерес ко мне комитета госбезопасности, пристально наблюдавшего за мной, все они шли на немалый риск, но ни одно из перечисленных имен в моем деле среди осведомителей не значится. Правда, надо отметить, что там встречаются имена некоторых других историков, с которыми я тесно общался.

Насколько готовы были оказать мне помощь известные болгарские историки, настолько же несговорчивым было руководство необходимых мне архивов, находившихся в подчинении Главного архивного управления при Совете министров Народной Республики Болгария. В 1977 г. я через историко-философский факультет подал официальное заявление на использование десяти архивов. Лишь через несколько лет, в 1984 г.,

¹⁷ Troebst S. Die “Innere Makedonische Revolutionäre Organisation” als Objekt der Einheitsfrontstrategie von Komintern und sowjetrussischer Diplomatie in den Jahren 1923/24. Magisterhausarbeit, Fachbereich Geschichtswissenschaften der Freien Universität Berlin 1979 (рукопись).

я получил на него весьма немногословный ответ в том смысле, что лишь несколько из интересующих меня архивных дел удалось обнаружить только в Центральном историческом государственном архиве. То, что я почти сразу после получения этой новости объявился в читальном зале архива, не стало приятным сюрпризом для его работников и вызвало заметную суету. Однако то, что удалось получить, имело лишь второстепенное значение. Совсем иначе сложилась ситуация осенью 1989 г. – незадолго до демократического поворота в Болгарии. Тогда я получил из Софии совсем другое известие: после 12 лет обработки моего поданного в 1977 г. заявления всё удалось прояснить, и я могу получить неограниченный доступ ко всем архивным материалам, включая описи. На месте, правда, всё выглядело по-другому, поскольку Главное управление, как и раньше, ушло в глухую защиту. Однако обходными путями до меня дошло сообщение, что Центральный партийный архив Болгарской коммунистической партии готов предоставить мне доступ ко всем хранящимся в нем материалам, чему я поверил, только когда после беседы с директором архива Слави Георгиевым за кофе, сигаретами и анисовой водкой в читальном зале обнаружил подготовленную для меня внушительную стопку фантастических документов, от содержания которых у меня перехватило дух. Когда я попросил объяснить мне, почему государственные архивы по-прежнему отказывают мне в доступе, а партийный архив теперь вдруг его мне предоставляет, директор Георгиев подмигнул мне и сказал: «Ведь партия всегда идет в первых рядах социального прогресса!» Так кто-то инстинктивно почувствовал ветер перемен, которому суждено было несколькими днями позже пронестись через политбюро ЦК болгарской компартии...

Однако вернемся в 1970-е годы ДААД, как уже было сказано, решила все мои финансовые проблемы во время обучения в университете, что стало возможным благодаря двусторонним международным договорам ФРГ о научном и культурном сотрудничестве. В то время как в Болгарии я получал щедрую болгарскую стипендию в 120 левов, соответствующую среднему месячному доходу большинства болгарского населения (студенты из ГДР получали лишь 40 левов), на мой счет в Западном Берлине ежемесячно поступала часть стипендии ДААД в размере 650 немецких марок, в которых я не нуждался, да и снять эти деньги из Софии не имел никакой возможности. Иными словами: после возвращения из Болгарии я был обладателем солидного банковского счета, средств с которого мне хватило на целый год учебы в Берлине.

В результате мне пришла в голову идея повторить опыт, и я подал заявку еще на одну стипендию для обмена, на этот раз постдипломного, однако для поездки не в Советский Союз, а в Социалистическую Федеративную Республику Югославию, точнее в ее южную часть – Македонию. И это снова получилось, причем принесло не только планируемые научные результаты, но и желаемый финансовый эффект. Год в Институте национальной истории в Скопье имел долгосрочные последствия как с профессиональной, так и с личной точки зрения, не в последнюю очередь благодаря поддержке руководителей отделов Александара Матковского (1922–1992) и Блаже Ристовского (1931–2018), общение с которыми происходило чаще в неформальной обстановке за кофе и сигаретой в институтском буфете, а также (прежде всего) благодаря директору Государственной университетской библиотеки Ивану Катарджиеву (1926–2018), с которым я познакомился еще раньше и с которым, как и с его супругой Надой, поддерживал тесный контакт и в последующие годы. Одним из итогов стало то, что между неопубликованной магистерской работой 1979 г. и диссертацией, завершенной в 1984 г., я в 1983 г. выпустил монографию, посвященную македонско-югославской и болгарской тематике¹⁸. В 1997 г. она вышла и в переводе на македонский. Случилось это благодаря тому, что германистка из Скопье, прежде работавшая переводчицей в югославских спецслужбах, тайно сохранила машинописную копию перевода, которую она позже передала Институту национальной истории. Поскольку расходов на перевод нести не пришлось, публикация книги обошлась недорого¹⁹. Тут впору задуматься о том, для чего могут быть полезны спецслужбы...

...И в США

Успех в получении второй годовой стипендии от ДААД настолько окрылил меня, что я подал заявку на постдипломную стипендию в США, причем сразу со списком приоритетов, в котором на первом месте стоял Колумбийский университет в Нью-Йорке, на втором – Стэнфордский (Калифорния), а на третьем – Индианский. Вопреки всем ожиданиям, эту стипендию я тоже получил, правда, для пребывания

¹⁸ Troebst S. Die bulgarisch-jugoslawische Kontroverse um Makedonien 1967–1982. München: R. Oldenbourg, 1983. (Untersuchungen zur Gegenwartskunde Südosteuropas; 23).

¹⁹ Трeбст С. Бугарско-југословенската контроверза за Македонија 1967–1982 / прев. од герм. јазик С. Поповска; ред. И. Катарџиев, Н. Велјановски. Скопје: Институт за национална историја, 1997.

в третьем университете по моему списку – Индианском университете в Блумингтоне. Впоследствии это оказалось счастливым стечением обстоятельств, поскольку уже упомянутый Матиас Бернат, который был научным руководителем моей диссертации, имел там обширные контакты и хорошо знал историка хорватского происхождения, специалиста по Юго-Восточной Европе Чарльза Елавича (1922–2013) и его супругу Барбару Елавич (1923–1995), также бывшую там профессором восточноевропейской истории. В результате по прибытии в этот, без сомнения, самый красивый университетский кампус в США я почувствовал себя VIP-персоной, что, правда, не означало особого отношения ко мне как к обучающемуся со стороны обоих Елавичей, когда я посещал их курсы по истории Габсбургов и советской истории, сопровождавшиеся многочисленными контрольными работами (*essay tests* и *map quizzes*). Однако премию Дана Армстронга «За лучшую дипломную работу в 1981 г.» по кафедре истории, составившую 100 долларов, мне принесла работа, написанная в рамках курса, который читали не Елавичи, а профессор Тодд Эндельман (род. в 1946 г.), специалист по еврейской истории, под руководством которого я подготовил подробное исследование о начале развития антисемитизма в Болгарии²⁰. Удивительно, но Центральная библиотека Индианского университета имени Германа Б. Уэллса оказалась настоящей сокровищницей материалов по этой теме.

Двое ученых из Блумингтона произвели на меня особенно глубокое впечатление. Один из них был турком, другой – венгром. Профессор Ильхан Башгёз (1921–2021), специалист по Центральной Евразии и преподаватель турецкого языка, с первого взгляда показался скромным и милым человеком. Книга для чтения, использовавшаяся на его семинарах, представляла собой антологию фольклора под его редакцией и содержала главным образом истории о бекташи с многочисленными саркастическими шутками в адрес суннитского варианта ислама²¹. Педагогом он был прекрасным: за несколько месяцев благодаря его занятиям я смог самостоятельно писать открытки на турецком. К сожалению, впоследствии, даже в Западном Берлине с его многочисленной турецкой диаспорой, мне никогда более не приходилось применять этот навык, так

²⁰ *Troebst S.* Some Aspects of Anti-Semitism in Bulgaria, 1878–1912. Indiana University, Department of History, Bloomington, IN, 1980 (рукопись). В расширенном варианте: *Idem.* Antisemitismus im “Land ohne Antisemitismus”: Staat, Titularnation und jüdische Minderheit in Bulgarien 1878–1993 // *Juden und Antisemitismus im östlichen Europa* / hrsg. von M. Hausleitner, M. Katz. Berlin; Wiesbaden: Harrassowitz, 1995. S. 109–125. (Multidisziplinäre Veröffentlichungen des Osteuropa-Instituts der Freien Universität Berlin; 5).

²¹ *Başgöz İ.* Turkish Folklore Reader. Bloomington: Indiana University Press, 1971.

что мои скромные познания в турецком сейчас остаются исключительно пассивными.

Другим особенно запомнившимся мне ученым был исследователь истории экономики из Будапешта и бывший узник Освенцима Дёрдь Ранки (1930–1988), первый руководитель созданной в Блумингтоне кафедры венгерских исследований, прибывший в Индианский университет к началу летнего семестра 1981 г.²² Его семинар по истории Венгрии от битвы при Мохаче 1526 г. до революции 1956 г. помимо меня посещал лишь мой товарищ-полиглот Джеймс (Джим) Нийсен, который сейчас руководит библиотекой Ратгерского университета в Нью-Джерси. Столь малочисленный состав слушателей объясняется тем, что Ранки, произнося слова американского английского, руководствовался их письменной формой (*the great powers* превращались в «зе грет поверс»). В результате профессор предложил перенести занятия из аудитории в Баллантайн-Холл к нему на квартиру на территории кампуса. Это имело то преимущество, что его супруга и дочь во время каждого занятия готовили обильный центральноевропейский ужин, которым затем мы с Джимом вместе с семейством Ранки могли насладиться за разговором о прошлом и настоящем Карпато-Дунайского региона. Не могу припомнить, какие вина подавали к столу. Явно это не был кекфранкош, но, возможно, зинфандель, его калифорнийский аналог.

По предложению Ранки я подготовил семинарскую работу на тему «Научные связи Венгрии с Третьим рейхом», где большое место отводилось ДААД, от которой я получил стипендию. Удивительно, но в библиотеке Индианского университета имелась обширная литература и на эту тему, в том числе все периодические издания ДААД за период с 1933 по 1945 г.²³

Оглядываясь назад, я могу сказать, что один только год заграничной стажировки, проведенный в США, дал мне интеллектуальный импульс, сравнимый с тремя годами учебы в Германии и двумя на Балканах

²² О Дёрде Ранки и его влиянии на венгерскую и международную историографию см.: *Pach Zs.P. Hommage à György Ránki // Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1988. Vol. 34. N 4. P. 353–357.*

²³ *Troebst S. Some Observations on Hungary's Academic Relations with the Third Reich. Indiana University, Uralic-Altaic Department, Bloomington (IN), 1981 (рукопись).* См. публикацию: *Idem. Hungary's Academic Relations with the "Third Reich" // Mitropa. Jahresheft des Leibniz-Instituts für Geschichte und Kultur des östlichen Europas (GWZO). 2017. P. 16–23.* Ср. также: *Idem. "Braune" DAAD-Geschichte im Land der Rotnacken. Zum akademischen Frühwerk eines exzessiven Stipendiaten // Johanni Golombek Servitori Scientiarum Nobilissimo / hrsg. von K. Ruchniewicz, M. Zybura. Wrocław: CSNE im. Willy'ego Brandta UWr, 2013. P. 90–95.*

вместе взятыми, если не более сильный. На американском Среднем Западе, в краю реднеков, я впервые познакомился с основополагающими трудами Карла Э. Шорске²⁴, Фрица Штерна²⁵, Юджина Вебера²⁶ и Роберта К. Мертон²⁷, которые оказали большое влияние и на мою личность, и на научную деятельность²⁸. С одной стороны, это произошло благодаря увлеченным и открытым для дискуссий профессорам и чрезвычайно мотивированным и при этом немногочисленным студентам магистерской программы как из США, так и из других стран; с другой стороны, большую роль сыграли *Howard's Bookstore* – киоск с газетами и журналами в кафе *Runcible Spoon* (англ. «Текучая ложка»), библиотека *Lilly Library*, созданная благодаря одноименному фармацевтическому концерну, одной из специализаций которой была тема холодной войны, и, конечно, открытая круглосуточно библиотека кампуса с находящимся в свободном доступе книгохранилищем. Иными словами, здесь наукой занимались 24 часа в сутки семь дней в неделю, лишь с небольшими перерывами на посещение бара *Fred's Beerhouse*, на игру в американский бильярд в клубе *Bullwinkle's* и на пробежки, не получившие тогда еще широкого распространения в Европе.

Перевод с немецкого М. С. Фирстова

Список сокращений

ДААД – Германская академическая служба обменов (*Deutscher Akademischer Austauschdienst*)

ХДС – Христианско-демократический союз Германии

CSNE – Centrum Studiów Niemieckich i Europejskich im. Willy'ego Brandta Uniwersytetu Wrocławskiego

CVJM – Christliche Verein Junger Männer (Христианская ассоциация молодых мужчин)

²⁴ Schorske C. E. *Fin-de-siècle Vienna: Politics and Culture*. New York: Alfred A. Knopf, Inc, 1979; ср.: Шорске К. Э. Вена на рубеже веков: Политика и культура. СПб.: Издательство имени Н. И. Новикова, 2001. (Австрийская библиотека).

²⁵ Stern F. *Gold and Iron: Bismarck, Bleichröder and the Building of the German Empire*. New York: Alfred A. Knopf, 1977.

²⁶ Weber E. *Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France, 1870–1914*. Stanford: Stanford University Press, 1976.

²⁷ Merton R. K. *On the Shoulders of Giants. A Shandean Postscript*. New York: The Free Press, 1965.

²⁸ Troebst S. *Kryptomnesie, Koinzidenz und Kelvin-Diktum: Korrespondieren mit Robert K. Merton. Eine Autoedition // Rocznik Centrum Studiów Niemieckich i Europejskich im. Willy Brandta Uniwersytetu Wrocławskiego*. 2005. Vol. 3. S. 223–244.

GWZO – Geisteswissenschaftliches Zentrum Geschichte und Kultur des östlichen Europa [до 2017 г. – Ostmitteleuropas] an der Universität Leipzig
 SSEES – School of Slavonic and East European Studies
 UAM – Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu
 UWр – Uniwersytet Wrocławski

Литература

- Требст С.* Бугарско-југословенската контроверза за Македонија 1967–1982 / прев. од герм. јазик С. Поповска; ред. И. Катарциев, Н. Велјановски. Скопје: Институт за национална историја, 1997.
- Трѣбст Ш.* Особый путь к концепции исторического мезорегиона: учебный предмет «История Восточной Европы» в немецкоязычном пространстве 1892–2016 гг. // История, язык, культура Центральной и Юго-Восточной Европы в национальном и региональном контексте: к 60-летию Константина Владимировича Никифорова / редкол.: С. И. Данченко, К. А. Кочегаров, Б. С. Новосельцев, Е. С. Узенева, О. В. Хаванова (отв. ред.). М.: Институт славяноведения РАН, 2016. С. 512–530.
- Шорске К. Э.* Вена на рубеже веков: Политика и культура. СПб.: Издательство им. Н. И. Новикова, 2001. (Австрийская библиотека).
- Başgöz İ.* Turkish Folklore Reader. Bloomington: Indiana University Press, 1971.
- Cappeller F.* Erste deutsche Übersetzung von Puschkins Novellen. Eine deutsch-russische Gemeinschaftsarbeit aus Jena – Weimar 1840 // Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller-Universität Jena. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe 8. 1958/1959. H. 1. S. 161–176.
- Delanty G.* The Historical Regions of Europe: Civilizational Backgrounds and Multiple Routes to Modernity // *Historická sociologie = Historical Sociology*. 2012. Vol. 3. Issue 1–2. P. 9–24.
- Diner D.* Von Gesellschaft zu Gedächtnis. Überlegungen zu einem Paradigmenwechsel // *Veränderte Weltbilder* / hrsg. von D. Claussen, O. Negt, M. Werz. Frankfurt am Main: Neue Kritik, 2005. S. 152–166. (Hannoversche Schriften; 6).
- Geyer D.* Reußenkrone, Hakenkreuz und Roter Stern. Ein autobiographischer Bericht. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1999.
- Giordano Ch.* Interdependente Vielfalt: Die historischen Regionen Europas // *Europa und die Grenzen im Kopf* / hrsg. von K. Kaser, D. Gramshammer, R. Pichler. Klagenfurt: Wieser, 2003. P. 113–135. (Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens, 11).
- Lemberg H.* Zur Entstehung des Osteuropabegriffs im 19. Jahrhundert. Vom “Norden” zum “Osten” Europas // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1985. Jg. 33. S. 48–91.
- Markov W.* Wie viele Leben lebt der Mensch. Eine Autobiographie aus dem Nachlaß. Leipzig: Faber & Faber, 2009.

- Merton R. K.* On the Shoulders of Giants. A Shandean Postscript. New York: The Free Press, 1965.
- Obolensky D.* George Hugh Nicholas Seton-Watson 1916–1984 // Proceedings of the British Academy. 1987. Vol. 73. P. 631–642.
- Pach Zs. P.* Hommage à György Ránki // Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1988. Vol. 34. № 4. P. 353–357.
- Schorske C. E.* Fin-de-siècle Vienna: Politics and Culture. New York: Alfred A. Knopf, 1979.
- Seifert R.* Leo Tolstois Besuche in Weimar und Jena 1861 // Weimar – Jena. Die große Stadt. Das kulturhistorische Archiv. 2012. Jg. 5. H. 3. S. 170–181.
- Seton-Watson H.* Nations and States: An Enquiry into the Origins of Nations and the Politics of Nationalism. London: Methuen, 1977.
- Seton-Watson H.* On Trying to be a Historian of Eastern Europe // Historians as Nation-Builders. Central and South-East Europe / ed. by D. Deletant, H. Hanak. London: Palgrave Macmillan, 1988. P. 1–14.
- Seton-Watson H.* Reflections of a Learner // Government and Opposition. An International Journal of Comparative Politics. 1980. № 15. Issue 3–4. P. 512–527.
- Stern F.* Gold and Iron: Bismarck, Bleichröder and the Building of the German Empire. New York: Alfred A. Knopf, 1977.
- Troebst C. C.* Gottlob Tröbst. Gelehrter zwischen Weimar und Moskau. Weimar: WV – Weimarer Verlagsgesellschaft, 2011.
- Troebst S.* Antisemitismus im “Land ohne Antisemitismus”: Staat, Titularnation und jüdische Minderheit in Bulgarien 1878–1993 // Juden und Antisemitismus im östlichen Europa / hrsg. von M. Hausleitner, M. Katz. Berlin; Wiesbaden: Harrassowitz, 1995. S. 109–125. (Multidisziplinäre Veröffentlichungen des Osteuropa-Instituts der Freien Universität Berlin; 5).
- Troebst S.* “Braune” DAAD-Geschichte im Land der Rotnacken. Zum akademischen Frühwerk eines exzessiven Stipendiaten // Johanni Golombek Servitori Scientiarum Nobilissimo / hrsg. von K. Ruchniewicz, M. Zybur. Wrocław: CSNE im Willy’ego Brandta UWr, 2013. P. 90–95.
- Troebst S.* Die bulgarisch-jugoslawische Kontroverse um Makedonien 1967–1982. München: R. Oldenbourg, 1983. (Untersuchungen zur Gegenwartskunde Südosteuropas; 23).
- Troebst S.* Die “Innere Makedonische Revolutionäre Organisation” als Objekt der Einheitsfrontstrategie von Komintern und sowjetrussischer Diplomatie in den Jahren 1923/24. Magisterhausarbeit, Fachbereich Geschichtswissenschaften der Freien Universität Berlin, 1979 (рукопись).
- Troebst S.* Hungary’s Academic Relations with the “Third Reich” // Mitropa. Jahresheft des Leibniz-Instituts für Geschichte und Kultur des östlichen Europa (GWZO). 2017. P. 16–23.
- Troebst S.* Kryptomnesie, Koinzidenz und Kelvin-Diktum: Korrespondieren mit Robert K. Merton. Eine Autoedition // Rocznik Centrum Studiów Niemieckich

- i Europejskich im. Willy Brandta Uniwersytetu Wrocławskiego. 2005. Vol. 3. S. 223–244.
- Troebst S. Post-Pan-Slavism? Political Connotations of Slaviness in 21st Century Europe // Approaches to Slavic Unity. Austro-Slavism, Pan-Slavism, Neo-Slavism, and Solidarity Among the Slavs Today / ed. by K. Makowski, F. Hadler. Poznań: Instytut Historii UAM, 2013, P. 169–175.
- Troebst S. Slavizität. Identitätsmuster, Analyserahmen, Mythos // Gemeinsam einsam. Die Slawische Idee nach dem Panslawismus / hrsg. von A. Gašior, S. Troebst. Berlin: Berliner-Wissenschafts-Verlag, 2009. S. 7–19 (Themenheft von Osteuropa; Bd. 59, H. 12).
- Troebst S. Some Observations on Hungary's Academic Relations with the Third Reich. Indiana University, Uralic-Altaic Department, Bloomington (IN), 1981 (рукопись)
- Troebst S. Sonderweg zur Geschichtsregion. Die Teildisziplin Osteuropäische Geschichte // Osteuropa. 2013. Jg. 63. H. 2–3. S. 55–80.
- Troebst S. Südosteuropäische Geschichte als gesonderte Disziplin: Mathias Bernath in Berlin und München // Südosteuropäische Hefte. 2012. Jg. 1. H. 2. S. 19–23.
- Weber E. Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France, 1870–1914. Stanford: Stanford University Press, 1976.

References

- Başgöz, İ., 1971. *Turkish Folklore Reader*. Bloomington: Indiana University Press.
- Cappeller, F., 1958/1959. Erste deutsche Übersetzung von Puschkins Novellen. Eine deutsch-russische Gemeinschaftsarbeit aus Jena – Weimar 1840. *Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller-Universität Jena. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche*. Reihe 8, 1, pp. 161–176.
- Delanty, G., 2012. The Historical Regions of Europe: Civilizational Backgrounds and Multiple Routes to Modernity. *Historická sociologie = Historical Sociology*, 3 (1–2), pp. 9–24.
- Diner, D., 2005. Von Gesellschaft zu Gedächtnis. Überlegungen zu einem Paradigmenwechsel. In: Claussen, D., Negt, O., Werz, M., eds., 2005. *Veränderte Weltbilder*. Frankfurt am Main: Neue Kritik, 2005, pp. 152–166. (Hannoversche Schriften; 6).
- Geyer, D., 1999. *Reußenkrone, Hakenkreuz und Roter Stern. Ein autobiographischer Bericht*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Giordano, Ch., 2003. Interdependente Vielfalt: Die historischen Regionen Europas. In: Kaser, K., Gramshammer, D., Pichler, R., eds., 2003. *Europa und die Grenzen im Kopf*. Klagenfurt: Wieser, pp. 113–135. (Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens, 11).
- Lemberg, H., 1985. Zur Entstehung des Osteuropabegriffs im 19. Jahrhundert. Vom “Norden” zum “Osten” Europas. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 33, pp. 48–91.

- Markov, W., 2009. *Wie viele Leben lebt der Mensch. Eine Autobiographie aus dem Nachlaß*. Leipzig: Faber & Faber.
- Merton, R. K., 1965. *On the Shoulders of Giants. A Shandean Postscript*. New York: The Free Press.
- Obolensky, D., 1987. George Hugh Nicholas Seton-Watson 1916–1984. *Proceedings of the British Academy*, 73, pp. 631–642.
- Pach, Zs. P., 1988. Hommage à György Ránki. *Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 34 (4), pp. 353–357.
- Schorske, C. E., 1979. *Fin-de-siècle Vienna: Politics and Culture*. New York: Alfred A. Knopf.
- Schorske, C. E., 2001. *Vena na rubezhe vekov: Politika i kul'tura* [Fin-de-siècle Vienna: Politics and Culture]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo imeni N. I. Novikova. (Avstriiskaia biblioteka).
- Seifert, R., 2012. Leo Tolstois Besuche in Weimar und Jena 1861. *Weimar–Jena. Die große Stadt. Das kulturhistorische Archiv*, 5 (3), pp. 170–181.
- Seton-Watson, H., 1977. *Nations and States: An Enquiry into the Origins of Nations and the Politics of Nationalism*. London: Methuen.
- Seton-Watson, H., 1988. On Trying to be a Historian of Eastern Europe. In: Deletant, D., Hanak, H., eds., 1988. *Historians as Nation-Builders. Central and South-East Europe*. London: Palgrave Macmillan, pp. 1–14.
- Seton-Watson, H., 1980. Reflections of a Learner. *Government and Opposition. An International Journal of Comparative Politics*, 15 (3–4), pp. 512–527.
- Stern, F., 1977. *Gold and Iron: Bismarck, Bleichröder and the Building of the German Empire*. New York: Alfred A. Knopf.
- Troebst, C. C., 2011. *Gottlob Tröbst. Gelehrter zwischen Weimar und Moskau*. Weimar: WV –Weimarer Verlagsgesellschaft.
- Troebst, S., 1995. Antisemitismus im “Land ohne Antisemitismus”: Staat, Titularnation und jüdische Minderheit in Bulgarien 1878–1993. In: Hausleitner, M., Katz, M., eds., 1995. *Juden und Antisemitismus im östlichen Europa*. Berlin; Wiesbaden: Harrassowitz, pp. 109–125. (Multidisziplinäre Veröffentlichungen des Osteuropa-Instituts der Freien Universität Berlin; 5).
- Troebst, S., 2013. “Braune” DAAD-Geschichte im Land der Rotnacken. Zum akademischen Frühwerk eines exzessiven Stipendiaten. In: Ruchniewicz, K., Zybur, M., 2013. *Johanni Golombek Servitori Scientiarum Nobilissimo*. Wrocław: CSNE im. Willy'ego Brandta UWr, pp. 90–95.
- Troebst, S., 1997. *Bugarsko-jugoslovenskata kontroverza za Makedonija 1967–1982* [Bulgarian-Yugoslavian controversy over Makedonia 1967–1982]; translated by S. Popovska; edited by I. Katardžiev and N. Veljanovski. Skopje: Institut za nacionalna istorija. (in Maced.)
- Troebst, S., 1983. *Die bulgarisch-jugoslawische Kontroverse um Makedonien 1967–1982*. München: R. Oldenbourg, 1983. (Untersuchungen zur Gegenwartskunde Südosteuropas; 23).

- Troebst, S., 1979. *Die "Innere Makedonische Revolutionäre Organisation" als Objekt der Einheitsfrontstrategie von Komintern und sowjetrussischer Diplomatie in den Jahren 1923/24*. Magisterhausarbeit, Fachbereich Geschichtswissenschaften der Freien Universität Berlin (manuscript).
- Troebst, S., 2017. Hungary's Academic Relations with the "Third Reich". *Mitropa. Jahresheft des Leibniz-Instituts für Geschichte und Kultur des östlichen Europa (GWZO)*, pp. 16–23.
- Troebst, S., 2005. Kryptomnesie, Koinzidenz und Kelvin-Diktum: Korrespondieren mit Robert K. Merton. Eine Autoedition. *Rocznik Centrum Studiów Niemieckich i Europejskich im. Willy Brandta Uniwersytetu Wrocławskiego*, 3, pp. 223–244.
- Troebst, S., 2016. Osobyi put' k kontseptsii istoricheskogo mezoregiona: uchebnyi predmet "Istoriia Vostochnoi Evropy" v nemetskoiazыchnom prostranstve 1892–2016 gg. [Special way to the concept of historical Mezo-Region: the subject "History of Eastern Europe" in the German-speaking space, 1892–2016]. In: Danchenko, S.I., Kochegarov, K.A., Novosel'tsev, B.S., Uzeneva, E.S., Khavanova, O.V. (Ed.-in-Chief), eds., 2016. *Istoriia, iazyk, kul'tura Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy v natsional'nom i regional'nom kontekste: k 60-letiiu Konstantina Vladimirovicha Nikiforova* [History, language and culture of Central and South-Eastern Europe in national and regional context: to the 60th anniversary of Konstantin Vladimirovich Nikiforov]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 512–530. (in Rus.)
- Troebst, S., 2013. Post-Pan-Slavism? Political Connotations of Slaviness in 21st Century Europe. In: Makowski, K., Hadler, F., eds., 2013. *Approaches to Slavic Unity. Austro-Slavism, Pan-Slavism, Neo-Slavism, and Solidarity among the Slavs Today*. Poznań: Instytut Historii UAM, 2013, pp. 169–175.
- Troebst, S., 2009. Slavizität. Identitätsmuster, Analyserahmen, Mythos. In: Gaşior, A., Troebst, S., eds., 2009. *Gemeinsam einsam. Die Slawische Idee nach dem Panlawismus*. Berlin: Berliner-Wissenschafts-Verlag, pp. 7–19. (Themenheft von Osteuropa; 59, 12).
- Troebst, S., 2013. Sonderweg zur Geschichtsregion. Die Teildisziplin Osteuropäische Geschichte. *Osteuropa*, 63 (2–3), pp. 55–80.
- Troebst, S., 1981. Some Observations on Hungary's Academic Relations with the Third Reich. Indiana University, Uralic- Altaic Department, Bloomington (IN). (manuscript).
- Troebst, S., 2012. Südosteuropäische Geschichte als gesonderte Disziplin: Mathias Bernath in Berlin und München. *Südosteuropäische Hefte*, 1 (2), pp. 19–23.
- Weber, E., 1976. *Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France, 1870–1914*. Stanford: Stanford University Press.